

VIKTÓRIA LAŠUKOVÁ\*

## Типы фольклорной актуализации в кодификации словацкого и белорусского языков как рефлексия лингвистического концепта В. Карadžича<sup>1</sup>

LAŠUKOVÁ, V.: Types of Folklore Actualization in the Codification of the Slovak and Belarusian Languages as a Reflection of the Language Program of V. Karadžić. *Slavica Slovaca*, 53, 2017, No. 3-4, pp. 48-63 (Bratislava).

The paper studies and compares the concepts and programs of codification of the Slovak and Belarusian languages related to folklore and folklore texts. The parameters and methods of folklore actualization, reflected in linguistic works and observed at different stages of formation of studied standard languages, are identified and analyzed. V. Karadžić's codification activity was chosen as a basic level and factor of typological nature, which influenced the formation of codification concepts in the analyzed and other Slavic languages that did not have the status of official ones.

Types of folklore actualization are identified by comparing the methods and specifics of the publication of classical genres of folklore and verified on the basis of closely related, but typologically different standard languages – Czech in relation to Slovak and Russian in relation to Belarusian.

The theory of Slavic standard languages, folklore and written tradition, folklore text, competitiveness of the folklore sphere, functions of folklore in codification.

В истории славянских языков прослеживается особая роль фольклорной сферы как основы кодификации, повлиявшей на определённые типологические особенности ряда языков.<sup>2</sup> Эту проблематику известный русский славист Никита Ильич Толстой рассматривал в качестве отдельного признака, подчинённого связи с традицией, выбору диалектной базы и единству / вариантности литературного языка.<sup>3</sup> По признаку близости литературного языка к народнопоэтическому койне названный учёный особо выделяет в то время ещё единый, но существующий в двух национальных версиях сербскохорватский язык, «где близость литературного языка к народно-поэтическому койне очень значительна и где само койне базируется на восточногерцеговинском диалекте. Это народно-поэтическое койне – плод развитой сербскохорватской фольклорной традиции, богатой эпическими жанрами и устойчивыми поэтическими средствами».<sup>4</sup> С этим типологическим эталоном связаны конкретные языки: «Роль фольклорной традиции и фольклорного языка в становлении национальных литературных языков может быть отмечена у македонцев,

\* Doc. Viktória Lašuková (Liashuk), CSc., Katedra slovanských jazykov, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, ul. Tajovského 40, 974 01 Banská Bystrica.

<sup>1</sup> Príspevok je čiastočným výstupom projektu VEGA č. 1/0118/17 *Slovanské spisovné jazyky v synchronii a diachronii: západno- a východoslovanský kontext* – Славянские литературные языки в синхронии и диахронии: западно- и восточнославянский контекст – *Slavic Standard Languages in Synchrony and Diachrony: West and East Slavic context*.

<sup>2</sup> Ляшук, Вікторія Марленаўна: Мова славянскага фальклору ў тыпалагічных даследаваннях. In: Dudášová, Júlia (ed.): *Slovensko-slovanské jazykové, literárne a kultúrne vzťahy: Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie 4. – 7. októbra 2006*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2007, s. 35-49.

<sup>3</sup> Толстой, Никита Ильич: *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука, 1988, с. 194-195.

<sup>4</sup> Толстой, Никита Ильич: *История и структура славянских литературных языков*, op. cit., с. 19-20.

в меньшей мере – у украинцев, болгар, словаков, белорусов и лужичан. Она мало заметна в языках, сохраняющих в значительной мере давнюю книжную традицию, – в русском, чешском, польском и в более «молодом» – словенском. Народно-поэтические элементы и элементы книжные, архаические оказываются, таким образом, взаимоисключающими. Они проявляются в тех литературных языках, где старая традиция или вытеснена, или вообще отсутствовала». <sup>5</sup> Среди перечисленных славянских языков нами детально рассмотрены белорусский и словацкий языки, обладающие значительным количеством одинаковых или соотносимых типологических признаков и в этом аспекте наиболее близкие по своим литературным разновидностям. <sup>6</sup> Изучение роли и влияния фольклора на кодификацию этих языков <sup>7</sup> указывает общие и специфические особенности в интерпретации этой жанрово упорядоченной сферы, в актуализации, приобретении и применении опыта по использованию её текстового и языкового потенциала.

Формы, способы, направления и механизмы влияния языка фольклора на кодификацию представляют собой комплексные взаимозависимые параметры, определённым образом проецируемые на литературный язык. С воздействием фольклора связаны тенденции демократизации, эстетизации, текстовой актуализации, межтекстуальности, преемственности, разговорности и др. – «jazyk tak vnímame nielen ako nástroj dorozumievania, ale ako prejav kultúry každého národného spoločenstva» <sup>8</sup>. Язык фольклора, характеризующийся признаком наддиалектности (фольклорное койне), презентует текстово закреплённые и ситуационно соотнесённые стандарты народного языка. В этом аспекте по отношению к фольклору показательны наблюдения чешского лингвиста Богуслава Гавранека о наличии в литературном языке двух противоположенных тенденций – отталкивания от народного языка и стремления к общепонятности. При этом существенным выступает параметр социальной базы носителей языка и её объёма, с чем связан фактор значимости не только теории, но и факторов более широкого (национально-культурного) плана: «Normy spisovných jazyků se vytvářejí vyrovnáváním různých tendencí, zčásti protivných, za vědomých zásahů teoretických, a to <...> plynoucích nejen z teorie jazykovědné, nýbrž z teorií a snah mimojazykových.

Tak za prvé spisovnému jazyku, jakožto nositeli a prostředníku kultury a civilizace, prospívá co největší rozsah oblasti jeho užívání (rozsah geografický a kmenový): přizpůsobuje se této tendenci i struktura spisovného jazyka; vítězí v ní totiž často právě ty jazykové prvky, které jsou schopny rozšíření na území co největším <...>; zároveň se snaží jazyk spisovný v této úloze o to, aby se odlišoval od jazyka lidového, od běžné řeči jednak z vnitřních důvodů jazykových (např. z potřeby jednoznačných slov, <...>), jednak ze snahy po třídni výlučnosti (exkluzivnosti), pokud bylo užívání spisovného jazyka znakem třídním <...>. Proti těmto tendencím stojí požadavek srozumitelnosti (obecné přístupnosti) a omezuje geografické a kmenové rozšiřování jazyka, užívaného jako spisovného, a brzdí jeho odlišnost od lidových jazyků jednotlivých geografických a kmenových celků» <sup>9</sup>. Указанные тенденции зависимы не только от носителей языка в целом

<sup>5</sup> Толстой, Никита Ильич: История и структура славянских литературных языков, *op. cit.*, с. 20.

<sup>6</sup> Ляшук, Виктория Марленовна: Белорусский и словацкий языки в типологии славянских литературных языков. In: *XLinguae European Scientific Language Journal*, 2012, Volume 5, Issue 4, s. 29-44; Гаšuková (Ляшук), Viktoria: *Folklorný vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2009, s. 25-53.

<sup>7</sup> Гаšuková (Ляшук), Viktoria: *Folklorný vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka*, *op. cit.*, 309 s.

<sup>8</sup> Žeňuchová, Katarína: Stav a perspektívy etnolingvistikého výskumu na Slovensku. In: Žeňuchová, Katarína – Китанова, Мария – Žeňuch, Peter (eds.): *Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky*. Bratislava – Sofia: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ при БАН, Slovenský komitét slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike, 2017, s. 11-18.

<sup>9</sup> Havránek, Bohuslav: *Studie o spisovném jazyce*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963, s. 32.

(коллективного сознания), но и от конкретных личностей, способных воплощать в своей деятельности и концепциях коллективное сознание и влиять на него, динамизировать его и концептуализировать в языковых программах. Именно эти личностные качества необходимы для основателя, реформатора и кодификатора литературного языка. Личность серба Вука Караджича<sup>10</sup> в такой деятельности приобрела в славистике не только всеобщую известность, но стала своего рода эталоном в формулировании и реализации концепта кодификации на народной основе, в соотнесении подходов и интерпретаций.<sup>11</sup>

В научной литературе подходы В. Караджича оппозиционируются подходам чешского слависта Йозефа Добровского – на основе противоположных взглядов на народную основу кодификации – под влиянием разных научно-культурных парадигм, соответственно, романтической и классицистической: «Dobrovský, který skvěle ukončuje u nás období filologie normativní, kodifikoval vědomě podle jejích zásad jazyk klasické doby starší, nikoli současný jazyk lidový, kdežto Vuk Karadžić v době zahajující filologické uctívání lidových nářečí vědomě bere za spisovnou normu pro srbocharvátštinu současný jazyk lidový. – Jungmann a jeho škola spojovala tendenci znárodnit spisovný jazyk s novotářsky vedenou snahou, aby jazyk měl dosti prostředků pro úkoly spisovného jazyka».<sup>12</sup>

Концепция повышения народного языка до литературного развивалась в дискуссиях и оприцании: «J. Dobrovský zaujal odmietavé stanovisko k tejto koncepcii povýšenia ľudového jazyka na spisovný, no svojim vplyvom sa zasadil za interpretáciu folklórnych textov ako reprezentantov národného jazyka. Neskoršie výskumy ukázali, že folklórne texty, aj v celoslovanskom kontexte, takisto disponujú príznakmi stability a všepjatnosti, ktoré sa zdôrazňovali v písomnej sfére».<sup>13</sup>

Оба подхода отражают активное языковое сознание – «продолжительно действующее и устойчивое явление, которое является неотъемлемой частью исторического познания и знаком общественного мышления <...> о культуре и обществе, а также о <...> соседних народах. Языковое сознание обнаруживает идентичность культурного целого, <...>

<sup>10</sup> Стојановић, Љубомир: Живот и рад Вука Стефановића Караџића. [Београд – Земун: Макарије, 1924]. Beograd: BIGZ, 1987, 22, 852 с.; Ивић, Милка: О језику Вуковом и Вуковском. Нови сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1990, 109 с.; Havránek, Bohuslav: Význam Vuka Stefanoviće Karadžiće pro vývoj spisovného jazyka srbochrvátského. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): Slavica Pragensia VI. K stému výročí smrti Vuka Stefanoviće Karadžiće. Acta Universitatis Carolinae 1964. Philologica 2. Praha: Universita Karlova, 1964, s. 5-12; Милошевић-Ђорђевић, Нада (ed.): Вук Стефановић Караџић (1787–1864–2014). Примљено на VI скупу Одељења језика и књижевности од 23. VI 2015. године. Београд: САНУ, 2015, 638 с.

<sup>11</sup> Dostál, Antonín: Vuk Stefanović Karadžić a církevněslovanský jazyk. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): Slavica Pragensia VI., op. cit., s. 13-23; Kurz, Jozef: Vuk Stefanović Karadžić a soudobí čeští a slovenští slavisté. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): Slavica Pragensia VI., op. cit., s. 55-62; Kvapil, Miroslav: Vuk Stefanović Karadžić a Pavel Josef Šafařík. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): Slavica Pragensia VI., op. cit., s. 63-71; Mára, Karel: Vuk Stefanović Karadžić a F. L. Čelakovský. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): Slavica Pragensia VI., op. cit., s. 73-81; Urban, Zdeněk: K problematice vztahu B. Němcové k dílu V. S. Karadžiće. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): Slavica Pragensia VI., op. cit., s. 83-90; Чуркина, Искра Васильевна: Вук Караджич и Н.И. Надеждин (к 150-летию со дня кончины сербского учёного). In Узенёва, Елена (ed.): Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре. Москва: Исл РАН, 2014, с. 11-26; Аксёнова, Елена Петровна.: «Он хотел писать для народа» (А.Н. Пыпин о реформаторской деятельности В. Караджича). In Узенёва, Елена (ed.): Славянский мир в третьем тысячелетии..., op. cit., с. 27-34.

<sup>12</sup> Havránek, Bohuslav: Studie o spisovném jazyce, op. cit., s. 33-34.

<sup>13</sup> Lašuková (Ляшук), Viktoria: Folklorný vektor..., op. cit., s. 17. См. также: Ляшук, Виктория Марленовна: Й. Добровский и аспекты исследования белорусских фольклорных текстов. In Vavřínek, Vladimír – Gladkova, Hana – Skwarska, Karolína (eds.): Josef Dobrovský fundator studiorum slavikorum: Sborník příspěvků z mezinárodní konference. (Praha 10. – 13. června 2003). Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2004, с. 552-559. О динамике устности см.: Patráš, Vladimír: Sociolingvistické výskumy bezprostrednej komunikácie a dynamika pojmu ústnosť. In: Kurek, Halina (ed.): Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym. Prace przygotowane na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów. Biblioteka „LingVariów”, T. 15. Kraków: Uniwersytet Jagielloński – Wydział Polonistyki, 2012, s. 171-182.

В языке отражается мышление общества, язык является сигнификатом культурного уровня развития народа, доказательством исторической памяти, в которой сохраняется образ о культурном развитии общества».<sup>14</sup>

Как указание на отличие в развитии литературного языка старого и нового времени деятельность В. Караджича типологизирует русский лингвист Виктор Владимирович Виноградов, развивая тезис о том, что «в средние века и в новое время литературные языки развивались по-разному (ср., например, славяно-сербский язык у сербов XVIII и нач. XIX в. и народную реформу Вука Караджича <...>».<sup>15</sup> Суть этого изменения мотивирована историческим моментом, который «выдвинул замечательную личность Вука Караджича, центральную фигуру этого процесса, сумевшего понять и осуществить стремления и надежды своего народа.

Борьба за создание национального литературного языка у южных славян в начале – середине XIX в. означала не просто стремление упорядочить одну из форм литературной и общественной жизни, нормировать и обогатить литературный (письменный) и разговорный язык, определить его функции, существенные для таких стабильных литературных языков, как русский, польский, французский, немецкий. Для южных славян, особенно для сербов и хорватов, эта была борьба за национальную независимость и самоопределение, за культурное и политическое единство двух окончательно оформившихся наций.

В середине XIX в. сложилась такая ситуация, когда решение ряда на первый взгляд чисто лингвистических проблем по сути дела являлось вкладом в решение важных национально-освободительных и культурно-исторических проблем.<sup>16</sup>

В современных источниках фольклорная основа кодификации в деятельности реформатора имплицитно указывается: «Караджич Вук Стефанович (1787-1864) – крупнейший деятель сербского национального Возрождения, реформатор сербского литературного языка, алфавита и правописания. Положил начало научному исследованию сербского фольклора, языка, обычаев и Новой истории сербов. Талантливый ученый-самоучка. В 1814 г. издал первую грамматику сербского языка, в 1818 – первый сербский словарь»<sup>17</sup>. При этом первыми были напечатаны сербские песни, которые стали текстовой базой и посылкой для указанных кодификаторских работ. Таким образом трудолюбие, заинтересованность, осведомленность, активность, возрожденческая деятельность, общественная направленность привели к тому, что «Вук реформирует литературный язык, отказываясь от труднодоступного славяно-сербского книжного языка и опираясь на собранные им многочисленные фольклорные тексты»<sup>18</sup>. По сравнению с диалектным языком, отражающим территориальную дифференциацию языковых средств, язык фольклора (фольклорное койне) обладает интегративностью, является «своеобразным

---

<sup>14</sup> Žeňuch, Peter: Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии – *Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. Monumenta Byzantio-Slavica et Latina Slovacie IV.* Roma – Bratislava – Košice, 2013, s. 17.

<sup>15</sup> Виноградов, Виктор Владимирович: Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. Москва: Наука, 1967, с. 33; ср.: «Существует, конечно, глубочайшее различие в литературно-языковой ситуации у сербов в XVIII столетии и в XIX в. (после реформы Вука Караджича)». Гудков, Владимир Павлович. Славистика. Сербистика: Сборник статей. Москва: Издательство МГУ, 1999. 208 с., с. 83.

<sup>16</sup> Толстой, Никита Ильич: История и структура славянских литературных языков, *op. cit.*, с. 194.

<sup>17</sup> Шемякин, Андрей Леонидович (ed.): Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства). Москва: «Индрик», 2014, с. 230.

<sup>18</sup> Супрун, Адам Евгеньевич – Калюта, Александр Михайлович: Введение в славянскую филологию. Минск: Вышэйшая школа, 1981, с. 124.

поэтическим койне, имея наддиалектный характер, и мог быть использован в качестве литературного языка».<sup>19</sup>

Вук Караджич указывает, что к осознанию феномена народной песни он пришёл постепенно, под влиянием внешним: «Да ја оне вриједности нашијех народнијех пјесам, коју су Грим и Гете и Копитар у њима нашли и свијету је (по)казали, нијесам познавао ни онда кад сам прву ону књижицу штампао, то је цијела истина; <...> сам се ја родио и одрастао ондје гдје су се пјесме јуначке пјевале и казивале (као усред Херцеговине), и знао сам их још из дјетинства силу божију и разумијевао сам их све онако добро као што их и народ разумије, и миле су ми биле као што су и осталом народу»<sup>20</sup>. В сербској лингвистике язык песен сохраняет эту интерпретацию: «Вук је примером свога језика у списима најразноврсније природе, а нарочито примером језика народних песама, потпуно доказао да се народним језиком могу изражавати и најсуптилније мисли и осећања».<sup>21</sup> В целом необходимо отметить, что потенции кодификации, заложенные в фольклорной актуализации в большей мере коррелируют с кодификацией письменной, чем противостоят ей, как противопоставлял Вук Караджич народный язык существующему: «Folklórna sféra, ktorej tradície sa sprájajú s ústnou formou jazykovej aktualizácie, nie veľmi výrazne vykazovala svoju ontologickosť a ako typologický príznak sa sformovala neskôr, na základe kodifikačnej praxe V. Karadžiča a jeho nasledovníkov».<sup>22</sup>

Эту фольклорную актуализацию вызвал у Вука Караджича своим интересом к сербской культуре Ерней Копитар, активно повлиявший на всю деятельность стремящегося к образованию представителя сербского народа. Копитар эксплицировал процесс актуализации в статье, посвящённой словарю В. Караджича: «Као чисто српски говорни образац могле су одлично да послуже српске народне песме, којима овај народ обилује, и то стога што су их певали обични, неуки народни певачи, који нису могли да мешају старословенски јер га нису познавали, и тако су оне чисто српске, па их врло често певају и католици и потпуно их разумеју као и Срби грчког обреда. – Господин Вук и његова сестра знали су 110 таквих песама наизуст. Вук их је записао и оне су прошле цензуру. <...> Вук се потрудио да скупи 5–10 свежака такви песама. Затим је по оваквим узорима чисто српске композиције дошла једна верна граматика српског дијалекта, чиста од калуђерских старословенских (искривљавања), и, најзад, као круна – један чисто српски речник!».<sup>23</sup> Отражённое в этих замечаниях отталкивание от старославянского (церковнославянского) языка выступает типологическим признаком разрыва с письменной традицией. Одновременно это явление правомерно определить как обращение к устной (фольклорной) традиции, существовавшей параллельно с первой и не знающей перерыва. Именно этот факт показателен в отношении белорусского языка, письменная форма в истории которого определялась по отношению к церковнославянскому языку как «простая мова». Перестав быть официальным после 1696 г., белорусский язык постепенно был вытеснен в сферу общения простого народа – сельского населения. Языковое возрождение объективно опиралось на

<sup>19</sup> Дмитриев, Пётр Андреевич – Сафронов, Герман Иванович: Вук С. Караджич и его реформа сербохорватского/хорватосербского литературного языка. Учебное пособие. Ленинград: Ленинградский университет, 1984, с. 89.

<sup>20</sup> Караџић, Вук: Прави узрок и почетак скупљања нашијех народнијех пјесам. In Лакићевић, Драган (ed.): Копитар и Вук. Београд: Вуков сабор – Тршић. Издавачка радна организација «Рад», 1980, с. 120.

<sup>21</sup> Станојчић, Живојин, С.: Граматика српског књижевног језика. Београд: Креативни центар, 2010, с. 28.

<sup>22</sup> Gašuková (Ляшук), Viktoria: Folklórny vektor..., op. cit., с. 17.

<sup>23</sup> Лакићевић, Драган (ed.): Копитар и Вук. Београд: Вуков сабор – Тршић. Издавачка радна организација «Рад», 1980, с. 88.

наиболее сохранённую устную форму и фольклорные тексты. Фольклорная актуализация на начальной стадии была фактически единственной возможностью до 1905 г., когда разрешалось печатать только фольклорные сборники. Экология белорусского языка была и остаётся до сих пор проблемой.

Один из основателей белорусского литературного языка, поэт-классик Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич, 1882 – 1942) достаточно выразительно отразил вопросы, которые вставали на пути возрождения белорусского литературного языка, в полемико-публицистической статье «Ці маем мы правы выракацца роднай мовы?» (1910; [рус. «Есть ли у нас право отречься от белорусского языка?» – В. Л.]): «Цяпер астаномімся на нашай беларускай мове. Нам кажуць, і мы самі часта гэтак патураем, што мова беларуская простая. А па-мойму: ну і дзякаваць Богу, абы не крывая. Але разбяромся ў гэтым лепей. Яшчэ за часу, некалькі соцень лет таму назад, калі Беларусь жыла сваім незалежным жыццём, мела сваіх князёў, сваё веча, ці маглі тады беларусы іначай гаварыць, як не па-беларуску? <...> А мова наша была і тады не інакшая, – была таксама простая, але простая ў сваім значэнні – не крывая, дарэчная, не зменная для агулу, для свайго народа»<sup>24</sup>. Аналогічныя погляды отразил в своих публицистических статьях второй основатель белорусского литературного языка, классик-прозаик Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич, 1882 – 1956), выходец из народа. Педагог-словесник по профессии, он автор первого пособия по методике преподавания белорусского языка в школе «Методыка роднае мовы» (1926), один из редакторов академического «Русско-белорусского словаря» (1953), активно повлиял на становление современных норм белорусского литературного языка, совершенствование культуры речи. Оба этих единомышленника опирались на свой аутентичный фольклорный опыт и пополняли знания из опубликованных фольклорных сборников. Оба поэта входили в редакцию возрожденческой газеты «Наша ніва» (1906 – 1915), оба активно отстаивали право белорусского языка быть литературным.

Народно-диалектная основа<sup>25</sup> стала причиной ограниченного использования в белорусском литературном языке церковнославянских элементов. Тенденции её развития на избранной базе сохраняются: «Народна-гутарковую аснову мае і пісьмовая разнавіднасць сучаснай літаратурнай мовы. У гэтым яе спецыфіка, але ў гэтым і многія яе праблемы».<sup>26</sup>

Кодификатор словацкого языка Людовит Штур (1815–1856) получил университетское лингвистическое образование, учился в Германии. Его обращение к фольклору было сознательным шагом с целью глубже познать речь народа, за права которого он выступал и с помощью языка которого он хотел объединить словацкую нацию, которую его предшественник кодификатор Антон Бернолак (1762–1813), католический священник, не смог объединить и примирить с идеей общего словацкого языка евангеликов, использовавших словакизированный вариант чешского языка. Как и Вук Караджич, Штур проявил свой революционный дух и активно действовал как политик, что отметил Славомир Ондрејевич:

<sup>24</sup> Купала, Янка: Выбраныя творы. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002, с. 537-538.

<sup>25</sup> Жураўскі, Аляксандр Іосіфавіч: Народна-дыялектная аснова новай беларускай літаратурнай мовы. In: Jedlička, Alois a kol. (eds.): Slované spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha: Universita Karlova, 1974, с. 49-62.

<sup>26</sup> Лукашанец, Аляксандр Аляксандравіч: Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання. Мінск: Беларуская навука, 2014, с. 7.

<sup>27</sup> Ondrejovič, Slavomír (ed.): Eudovít Štúr a reč slovenská. Prednášky z konferencie konanej 13. – 14. júna 2006 v Bratislave. Bratislava: VEDA, 2007, s. 7. См. также Ondrejovič, Slavomír – Kmiťová, Jaroslava (eds.): Jazykovedné dielo Eudovíta Štúra v historických a súčasných interpretáciách: zborník príspevkov z vedeckej konferencie k 200. výročiu narodenia Eudovíta Štúra. Bratislava: Veda, 2017, 207 s.

«boli časy, keď na čele národa stáli jazykovedci».<sup>27</sup> Сферы деятельности этого словацкого возрожденца также отражали его исключительность – «aj politik, novinár, básnik a pedagóg, bibliotekár, vodca národa a podobne».<sup>28</sup>

Кодификаторскую деятельность Вука Караджича и Людовита Штура в сравнительном плане анализировал словацкий лингвист Эмил Горак, выделив отличие в признании (хоть и частичном) Сербии и непризнании Словакии<sup>29</sup>. Аналогичное положение наблюдалось и в отношении белорусского языка, который должен был доказывать независимость от русского и польского языков. В действии кодификатора, по мнению указанного лингвиста дифференциальным признаком выступает коллективность (прослеживаемая у Штура) или единоличность (замечаемая у Караджича) введения литературного языка в практику.<sup>30</sup> Коллективность прослеживается и при введении белорусского языка, однако, при отсутствии детального концепта. Причина этой особенности нами видится в художественной направленности текстовой поддержки кодификации.

Фольклорная сфера определённым образом соотносится с письменной, образуя целостность в рамках национальной культуры и в то же время представляя особое качество речи и культуры языка. Соотношение этих двух сфер в научной интерпретации прошло через несколько стадий. На первой, отмечаемой в Эпоху классицизма письменная сфера представлялась единственно возможной и существенной для концепта литературного языка, что наблюдается во взглядах Й. Добровского, который не имел в своем архиве чешских фольклорных текстов и по просьбе братьев Гримм смог послать им в 1812-1814 гг. только несколько русских и польских сказок и книги для народного чтения.<sup>31</sup>

В кодификации с актуализацией фольклора отражается динамика, свойственная устно-разговорной сфере: «L. Štúr kodifikoval živý útvar. Proti tomu J. Dobrovský kodifikoval spisovnú češtinu na historickom podklade. To bol veľký rozdiel, ktorý mal za následok – ak vezmeme Štúrovo jazykovedné a filozofické školenie – že spisovná slovenčina má ešte i dnes silný charakter hovorenej reči. <...>. Smer, ktorý nastolil L. Štúr, mal potom význam aj pre kultúru jazyka, pre kontrolu jeho správnosti a pre celkový smer jeho vývoja».<sup>32</sup>

Фольклорное койне как наддиалектная структура коррелирует с концепцией генерализации и концентрации языковых средств, которые лежат в основе кодификации языка. Аналогия механизма определяет конкурентность фольклорной сферы, представленной значительным текстовым массивом. В языках в развитой фольклорной сферой наблюдается связь её норм с литературными нормами. Исходным условием представляется текстовый массив, а в его границах – жанровая презентованность и дифференцированность на поэтическую (лирическую) и прозаическую (эпическую) форму. Эталонными в этом случае выступают соответственно народные песни и народные сказки. Эпическим элементом характеризуются поэмы, богатырские песни сербов, украинские думы, русские былины и под. К существенным факторам реализации фольклорного потенциала относятся расширение социальной базы, опыта владения и объёма знания фольклорных текстов посредством их публикации.

<sup>28</sup> Ondrejovič, Slavomír (ed.): *Ludovít Štúr a reč slovenská*, op. cit., ibid.

<sup>29</sup> Horák, Emil: *Ludovít Štúr a Vuk Stefanović Karadžić (ako kodifikátori spisovných jazykov)*. In Dudok, Daniel (ed.): *Zborník spolku vojvodinských slovakistov 15 (1993)*. XI. Medzinárodný zjazd slavistov. Zborník referátov. Nový Sad: Účená spoločnosť Kultúra v Báčskom Petrovci, 1993, s. 52-59.

<sup>30</sup> Horák, Emil: *Ludovít Štúr a Vuk Stefanović Karadžić...*, op. cit., s. 53.

<sup>31</sup> См.: Horák, Jiří: *Česká pohádka v lidové a sběratelské tradici*. In Červenka, Jan (ed.): *O pohádkách*. Sborník statí a článků. Praha: Statní nakladatelství dětské knihy, 1960, s. 40.

<sup>32</sup> Pauliny, Eugen: *Pramene Štúrovej kodifikácie*. In Jedlička, Alois a kol. (eds.): *Slovenské spisovné jazyky v dobe obrození*, op. cit., s. 70.

В этом плане сербский возрожденец Вук Караджич представляет собой чистый тип прямого носителя фольклорной традиции и народного языка (в его определенной диалектной разновидности), осведомленного в особенностях иных диалектных разновидностей и фольклорных особенностях южнославянского ареала. Трансформация этих обычно автономных по отношению к письменной традиции знаний устной поэтической традиции правомерно мотивировать стремлением овладеть грамотой. Его осуществление связывает и соотносит эти две традиции, в разной степени поляризованные у конкретных славянских народов. Естественная поляризация устной и письменной (книжной) культурных сфер дополняется и динамичным именно по отношению к устной традиции представлением о ее престиже. Вук Караджич публикует сербские, черногорские и др. народные песни и поэмы, а значительно позднее и сказки, указав особенности языкового образа конкретного народа. Своим содержанием и яркостью они привлекли внимание ведущих представителей гуманитарной (филологической) науки Европы, получили таким образом интеллектуальную поддержку, а также определили обобщенные представления Вука Караджича о литературном языке для сербов. Прозаическая форма сербских сказок эти представления о повествовательной традиции указала более последовательно, выразительно и системно.

Э. Паулины при оценке и анализе штуровской кодификации словацкого языка обращает внимание на существование интереса к сказочной традиции: «Štúrovci ešte pred uzákonením spisovnej slovenčiny vyvinuli veľkú aktivitu pri zbieraní ľudovej rozprávkovej tradície. A hoci texty pochádzajú z najrozmanitejších kútov Slovenska, jedno je na nich zhodné. Sú temer všetky zapísané približne tým jazykom, ktorý neskoršie kodifikoval Štúr».<sup>33</sup> В словацких и белорусских текстах народных сказок наблюдается частичная соотносимость в языке и повествовательной традиции.<sup>34</sup>

В результате текстового накопления раскрывается богатство, жанровое разнообразие и функциональность языка фольклора. Эти параметры определяют типологическую особенность литературного языка, образовавшегося с участием фольклорного койне в период внимательного и заинтересованного отношения к фольклору со стороны интеллектуальной элиты и особенно филологов. В этом плане деятельность Вука Караджича получала конкретные импульсы извне, от словинца Ернея Копитара как яркого и влиятельного представителя венской славистики, а также от немецких филологов (компаративист Якоб Гримм), классиков немецкой литературы (Йоганн Вольфганг Гёте) и др.

Признак гибкой стабильности, который в XX веке сформулировал по отношению к литературному языку чешский лингвист Вилем Матезиус, замечается также и по отношению к фольклорному прозаическому тексту и базируется на языковой вариантности и натуральности речи. Это позволяет проявлять индивидуальные особенности владения языком, располагаемые между полюсами обычного и мастерского воспроизведения текста. Его письменная фиксация образует основу для дальнейших трансформаций творческого характера – перевода, редактирования, обработки, пересказа. Осознанный, мотивированный характер изменения при письменном фиксировании фольклорного текста представляет собой

<sup>33</sup> Pauliny, Eugen: Pramene Štúrovej kodifikácie, op. cit., с. 68.

<sup>34</sup> Ляшук, Вікторыя Марленаўна: Беларускія і славацкія празаічныя фальклорныя тэксты як крыніца фарміравання літаратурнай нормы. In: Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, серыя 4, 2005, č. 3, с. 46-50; Ляшук, Вікторыя Марленаўна: Празаічны фальклорны тэкст у моўным адраджэнні славакаў і беларусаў. In: Slavica Slovaca, 2005, гоđ. 40, č. 2, с. 111-124; Ляшук, Вікторыя Марленаўна: Мова фальклору ў славянскім адраджэнні. In: Roczniki Humanistyczne. Tom LIVLV, zeszyt 7: Słowianoznawstwo. Lublin : Towarzystwo naukowe Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II, 2006-2007, s. 127-137.

языковую культивацию, аналогичную кодификации литературного языка. Специфика влияния фольклорной сферы на формирование литературного языка, интерпретируемая нами как фольклорный вектор в кодификации<sup>35</sup> охватывает также личностный аспект в связи с авторством и реализацией концепта литературного языка. В этом плане деятельность Вука Караджича в научной интерпретации получает типологические характеристики. Его имя в изучении славянских литературных языков занимает определенную позицию и сопоставляется с именами конкретных личностей на основе полярности (противопоставленности) или национальной реализации их концепций: «Только по отношению к национальному литературному языку может быть выдвинут тезис об организующей и формирующей роли отдельных индивидуальностей (например, Пушкин в истории русского национального литературного языка, Вук Караджич — в истории сербского, Христо Ботев — болгарского, Мицкевич — польского и т. д.)».<sup>36</sup>

Совокупность связанных с изучением конкуренции фольклора в кодификации теоретических положений составляет: 1) идея о наддиалектном характере устнопоэтического койне: «Язык, положенный Караджичем в основу сербского литературного языка, не столько, как принято писать в литературе, герцеговинский диалект, сколько несколько обработанное и национально оформленное поэтическое койне сербских народных песен»;<sup>37</sup> 2) концепция внутренних фольклорных традиций в развитии сербского, белорусского и словацкого литературных языков; 3) предложенная Геннадием Цыхуном типологическая концепция образования славянских литературных языков (словацкого, белорусского и др.), которые имеют литературно-письменную основу позднего формирования и ориентируются на концепт и программу, реализованную Вуком Караджичем.<sup>38</sup>

Привлечение фольклорной сферы к кодификации типологически сближает с сербским языком как белорусский, так и словацкий, что прослеживается в наиболее полно разработанных характеристиках, связанных с традицией в языковом развитии, особенностями орфографической системы, языковыми ситуациями, нормативными стилями, диалектными системами, наддиалектными письменными образованиями. При фрагментарной разработанности отдельных типологических признаков белорусский язык рассматривается в ограниченном или парном наборе с другими славянскими языками (украинским, словацким). В преобладающем большинстве это социолингвистические признаки: признание языка в качестве самостоятельного; влияние инославянских языков и др. По демонстрации признака значительного типологического отличия у близкородственных языков белорусский язык включается в постоянные параллельные связи только со словацким языком. Квантификация типологии славянских литературных языков, предложенная Д. Брозовичем, привела к последовательности позиций белорусского и словацкого языка, указала их наименьшее дистанцирование друг от друга.<sup>39</sup>

Парное типологическое изучение конкурентности фольклорной сферы белорусского и словацкого языков указало, что письменная форма языка определяет кодификацию боль-

<sup>35</sup> Gašuková (Ляшук), Viktoria: Folklorňny vektor ..., op. cit., 309 s.

<sup>36</sup> Виноградов, Виктор Владимирович: Проблемы литературных языков ..., op. cit., с. 65.

<sup>37</sup> Виноградов, Виктор Владимирович: Проблемы литературных языков ..., op. cit., с. 62; см. также: Толстой, Никита Ильич: История и структура славянских литературных языков, op. cit., 239 с.; Brozović, Dalibor: Vuk i novoštokavska folklorna koine. In: Slavia, roč. XXXIV, Praha, 1965, č. 1, s. 1-27.

<sup>38</sup> Літвіноўская, Алеся Генадзеўна: Вукава традыцыя і беларуская літаратурная норма. In: Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, 1995, № 1, с. 33–37.

<sup>39</sup> Брозович, Далибор: Славянские стандартные языки и сравнительный метод. In: Вопросы языкознания, 1967, № 1, с. 3-33.

шинства типов норм, она существенна для механизмов генерализации и селекции. На первом этапе лингвистического фольклоризма реализуются планы языковой идентификации фольклорных текстов. Идентификация текста с определённым славянским языком имеет специфику на межязыковом уровне посредством включения в качестве разновидности соседнего языка, имеющего литературную форму (белорусский язык как диалект русского или польского, словацкий как разновидность польского или чешского).

Наддиалектная специфика фольклорного койне заключала в себе также интегративные тенденции. В концептуальном плане показательна идея славянской взаимности, выдвинутая словаком Яном Колларом и направлявшая славянское возрождение в типологически соотносимых направлениях как движение за сохранение и фиксирование посредством литературного языка своей национальной самобытности: «Одним из важнейших вопросов этого движения было создание литературных языков на народной основе. У сербов эту работу проделал Вук С. Караджич (1787-1864), у хорватов Людевит Гай (1809-1872), у словаков Людовит Штур (1815-1856) и др. Однако новые идеи не сразу пробивали себе дорогу. Нередко споры вокруг основ национального литературного языка выходили за рамки чисто национальных проблем и затрагивали славянскую идею. Среди южных славян идея языкового, литературного и политического объединения была весьма актуальной»<sup>40</sup>. В подходе Я. Коллара существенны актуализационные тенденции соотнесения истории и культуры славянских народов, а также обращение к духовным ценностям и славянской общности. В освободительном и патриотическом пафосе, «*historických danostiach, či paralelných národných skúsenostiach, tkvie i skutočnosť, že Kollárova slovenská myšlienka slovenskej vzájomnosti svoj najväčší dopad mala práve u južných Slovanov, ako Srbov, tak i u Chorvátov a len potom u Slovákov, Čechov, Poliakov, Rusov a iných*».<sup>41</sup>

Именно среди южных славян отмечаются наиболее выразительные межнациональные интеграционные тенденции, не имеющие последователей у восточных славян и ограниченно замечаемых у словаков при совершенном отсутствии у поляков. В концепции и реформе Вука Караджича интеграционные тенденции реализовались в полной и исключительной мере: «*Reforma językowa Vuka – polegająca na przyjęciu za podstawę serbskiego języka literackiego sztokawskich gwar wschodniohercegowińskich – nie tylko zintegrowała językowo samych Serbów, ale również doprowadziła do integracji językowej Serbów i Chorwatów*».<sup>42</sup> Договор об общем языке для сербов и хорватов в истории и теории славянских литературных языков аналогов не имел, но история указала на временную возможность такой интеграции.

Факт публикации фольклорных текстов определяет начало формирования теоретической базы кодификации с фольклорным вектором в определённой перспективе. Изданные в 1823 Яном Колларом и Павлом Йозефом Шафариком словацкие песни определили лингвистический концепт и его потенции, оказали влияние на выбор диалектов Центральной Словакии в качестве базы кодификации Людовитом Штуром.<sup>43</sup> Неопубликованные же точ-

<sup>40</sup> Дуличенко, Александр Дмитриевич: Введение в славянскую филологию [Электронный ресурс]. Москва: ФЛИНТА, 2014, с. 226.

<sup>41</sup> Kmeť, Ján: *Vzájomnostný odkaz Jána Kollára*. In Dudok, Daniel (ed.): *Zborník spolku vojvodinských slovakistov 15 (1993)*, op. cit., s. 7.

<sup>42</sup> Lewaszkiwicz, Tadeusz: *Tendencje integracyjne/unifikacyjne i dezintegracyjne w historii języków słowiańskich*. In Абисогомян, Ирина (ed.): *Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков: К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*; *Humaniora: Slavica Tartuensia IX*. Tartu: Universitas Tartuensis / Tartu Ülikool; Международная комиссия по славянским микроязыкам при Международном Комитете славистов, 2011, s. 127.

<sup>43</sup> Žigo, Pavol: *Štúrova kodifikácia spisovnej slovenčiny a jej reforma*. In: *Slovenská reč*, 2005, roč. 70, č. 5, s. 265-275.

ные записи белорусских песен, сделанные Зорианом Даленго-Ходаковским в 1817–1819 гг. аналогичной функции в отношении белорусского языка не реализовали, и время образования литературного языка значительно отдалилось (фактически на столетие, если учитывать время издания первой грамматики белорусского языка, которую написал Бранислав Тарашкевич). Практика поэта и собирателя фольклора Яна Чачота указывает динамику перехода от публикации белорусских народных песен в польском переводе (1839) к их исходному белорусскому языку (1840) и далее к включению в фольклорный сборник также авторских стихотворений, стилизованных под фольклор (1846). Кодификация, представляющая собой указание и закрепление в лингвистических работах системных особенностей языка требует текстовой поддержки. Словацкий лингвист Эуген Паулини говорит о существовании с конца XVIII и в первой половине XIX рукописных сборников песен и стихов на центрально-словацком диалекте (*v strednej slovenčine*), известных в среде образованного населения и частично опубликованных идеологом славянской взаимности Яном Колларом.<sup>44</sup>

При разработке концепции национального литературного языка белорусский поэт Владимир Дубовка основы благозвучия также соотнёс с качествами и фонетической динамикой народной песни: «Беларуская мова вызначаецца сваёй агульнай мілагучнасьцю. Мілагучнасьць гэта дасягаецца пэўнымі спосабамі, на падставе пэўных законаў. Законы мілагучнасьці набываюць большага значэньня затым, што ў народнай паэзіі, ў народнай мове яны з’явіліся невыпадкова...».<sup>45</sup>

Проекция трёх рассматриваемых языков на русский литературный язык указывает 3 возможных соотношения типологических параметров: 1) признание / непризнание в качестве отдельного языка – 2) научное изучение и интерпретация – 3) преподавание. В Сербии изучался русский литературный язык и церковнославянский язык русской редакции. Языковая ситуация, таким образом, имела сложное взаимодействие языковых, территориальных, социальных, культурных, политических элементов: «В то время, когда большая часть сербского народа оставалась под османским игом, а малая часть, получившая австрийские «привилегии», жила под угрозой германизации, мадьяризации и обращения в католичество, когда опора на Россию стала основой политического курса сербских духовных лидеров, в сербской среде актуализировалось и приобрело активное идеологическое значение сознание русско-сербской общности, знаменем которой были принадлежность и сербов, и русских к славянству, родство и близость их языков, тождество вероисповедания. В этих условиях связь по линии церкви, церковной литературы, церковнославянского языка являлась важным, но не единственным компонентом сербско-русских культурных отношений. <...>. Сербские церковные круги не противились употреблению народного языка в текстах, предназначенных для широких слоёв верующих».<sup>46</sup> Реформа Вука Караджича описанную ситуацию изменила по аналогии с Россией, вытеснив инославянские языки национальным литературным языком, в котором заложена народная основа. В России сербский язык изучался и преподавался, признавался самостоятельным славянским языком. Ситуация в Словакии включала дополнительный, связанный с католицизмом, элемент в виде влияния двух культурных языков – латинского и словакизированного чешского. Су-

<sup>44</sup> Pauliny, Eugen: *Pramene Štúrovej kodifikácie*, op. cit., с. 68.

<sup>45</sup> Дубоўка, Уладзімір: Некаторыя прыватныя выпадкі мілагучнасьці нашай мовы. In: *Узвышша*, 1927, № 4, с. 88. См. также: Куліковіч, Уладзімір Іванавіч. Тэарэтычныя і практычныя праблемы беларускай мовы ў працах У. Дубоўкі. Мінск: РІВШ, 2011. 165 с.

<sup>46</sup> Гудков, Владимир Павлович: *Славистика. Сербистика: Сборник статей*. Москва: Издательство МГУ, 1999, с. 74-75, 81.

ществленную роль в культурно-языковой жизни словаков играет кирилло-мефодиевская традиция, а также использование церковнославянского языка в Восточной Словакии как богослужебного, «trvalým priestorom jeho používania a súčasne kultivovania sa stala hlavne východoslovenská oblasť so slovenským [словацким – В. Л.], rusínskym, prípadne ukrajinským etnikom s teritoriálnym presahom do susedných oblastí Poľska, Haliče a Zakarpatskej Ukrajiny».<sup>47</sup> Латинский язык использовался на всей территории Словакии параллельно с чешским языком (богослужебным и общесловацким), то есть «stredoveká latinčina ako tradičný stredoeurópsky kultúrny jazyk aj v nových podmienkach ranej fázy dejín Rakúsko-Uhorska kontaktom so súvekovú kultúrnou slovenčinou [словацким языком – В. Л.] pozitívne ovplyvňovala jej kultivovanie v hovorenej a písanej podobe».<sup>48</sup> В России словацкий язык изучался в первую очередь как этнографическое явление и преподавался по сравнению с сербским более ограниченно, причем часто на материалах фольклорных записей. Белорусская ситуация отличалась включённостью в состав России и статусом белорусского языка как диалекта русского языка, поэтому его изучение и введение в образовательную сферу специализировалось диалектологией.

Фольклорная актуализация в перечисленных типах проекции косвенным образом зависит от профессиональных проявлений, которые оказали «существенное влияние на историческое, культурное и даже языковое развитие различных славянских народов, пошедших, вслед за доминирующими культурно-религиозными характеристиками, разными путями. В наиболее общем виде, западные славяне оказались вовлечены в культурно-религиозный круг европейского Запада, в то время как восточные, поддерживаемые православием, выступили хранителями византийско-греческой культурно-религиозной традиции. Самую пёструю картину можно наблюдать у славян южных (болгары, сербы, черногорцы как преимущественно православные народы и культуры, с одной стороны, и хорваты и словенцы как, в большинстве своём, католические – с другой)».<sup>49</sup> Отличие в вероисповедании было одной из причин недостаточной конкурентной силы при кодификации словацкого языка Антоном Бернолаком.

Языковая концепция, разработанная на основе конкретной сферы, может иметь общие элементы с другой программой, на что обращает внимание Никита Ильич Толстой на примере русского писателя, стремившегося актуализовать разговорность вне фольклорной сферы: «Довольно решительный разрыв Н. М. Карамзина с архаической традицией церковнославянской письменности побудил его задолго до серба Вука Караджича выдвинуть лозунг «пиши, как говоришь» (точнее, «писать, как говорят и говорить, как пишут»), т. е. покончить с наследием теории трёх стилей и с противопоставлением письменного и разговорного языка. Важно, однако, что в качестве разговорного Карамзин предлагал принять не язык «пастухов и землепашцев», как это делал Вук, а разговорный язык образованного общества. Этот факт и наложил особый типологический отпечаток на современный русский язык».<sup>50</sup> Этот факт свидетельствует о возможности при равных лингвистических условиях реализовать концепт в разных направлениях.<sup>51</sup>

<sup>47</sup> Krajčovič, Rudolf – Žigo, Pavol: Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Univerzita Komenského, 2002, s. 72.

<sup>48</sup> Krajčovič, Rudolf – Žigo, Pavol: Dejiny spisovnej slovenčiny, op. cit., s. 72.

<sup>49</sup> Краев, Андрей: Становление и развитие дискурса католической церкви в России в конце XX– начале XXI века. In Даскалова, Добриня (ed.). Limes Slavicus: Славянството граница на общността: доклады от международна научна конференция (Шумен, юни, 2015). Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2016, с. 288.

<sup>50</sup> Толстой, Никита Ильич: О курсе истории русского литературного языка академика В. В. Виноградова. In Виноградов, Виктор Владимирович: Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. 3-е изд. Москва: Высшая школа, 1982, с. 8.

<sup>51</sup> См. Толстой, Никита Ильич: Избранные труды, том II. Славянская литературно-языковая ситуация. Москва: Языки русской культуры, 1998, с. 23.

При формировании литературного языка исключительно важное значение приобретает носитель языка, обладающий конкретной литературно-языковой программой, активно отстаивающий её перед оппонентами и вводящий её в языковую практику. Наблюдая состояние языка в актуальном времени, находясь в центре общественной и культурной жизни, такая личность выполняет роль катализатора и организатора языкового преобразования, стремясь как можно полнее воплотить в жизнь свои представления и одновременно динамически их корректируя в конкретных обстоятельствах. Такой субъективный аспект получает типологический статус и обобщённую интерпретацию: «Отмеченные ранее предпосылки и факторы сами по себе не в состоянии сдвинуть с места, организовать новое литературно-языковое движение. Использовать такие предпосылки, привести в действие наличествующие факторы могут только люди, т. е. субъективный фактор. Обычно в период, когда созревают необходимые этносоциальные предпосылки, в среде, где потенциально возможно создание нового литературного языка, появляются пионеры, которые собственным примером и всей своей деятельностью (как правило, в области литературно-художественного творчества либо в организационно-издательской) пытаются доказать полезность и необходимость собственного литературного языка, стремятся определить возможности и пути создания такого языка. В истории славянской культуры и литературных языков такие литературно-лингвистические (или, шире, культурно-лингвистические) пионеры получили название будителей. Институт будителей возникает в основном в эпоху национального Возрождения».<sup>52</sup> Определение личности как будителя берёт основу из чешской культурно-языковой традиции, где оно соотносится с именем основателя славистики Йозефа Добровского. На основе изученных источников к числу эталона созидательно-языковой деятельности фактически во всех частных теориях славянских литературных языков относится сербский деятель Вук Караджич. Его языковая программа рассматривается в концептуальной связи с фольклором и сельским (преобладающим) населением.

Изучение деятельности и трудов Вука Караджича без преувеличения можно характеризовать как наиболее детально и разноаспектно разработанную в славистике аксиологическую модель фольклорности литературного языка. В словацком и белорусском языке конкретные особенности фольклорности коррелируют с типологическими признаками её реализации, однако имеют свои параметры и интенсивность. Соотносясь по тенденциям развития языковой структуры и направлениям нормирования, все три языка характеризуются функционально-стилистической спецификой, которая распространяется на оценочно-аксиологическую сферу.

#### **Литература**

- Аксёнова, Елена Петровна: «Он хотел писать для народа» (А. Н. Пыпин о реформаторской деятельности В. Караджича). In Узенёва, Елена (ed.): Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре. Москва: ИСЛ РАН, 2014, с. 27-34.
- Брозович, Далибор: Славянские стандартные языки и сравнительный метод. In: Вопросы языкознания, 1967, № 1, с. 3-33.
- Виноградов, Виктор Владимирович: Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. Москва: Наука, 1967, 134 с.
- Гудков, Владимир Павлович: Славистика. Сербистика: Сборник статей. Москва: Издательство МГУ, 1999. 208 с.
- Дмитриев, Пётр Андреевич – Сафронов, Герман Иванович: Вук С. Караджич и его реформа сербскохорватского / хорватосербского литературного языка. Ленинград: Ленинградский университет, 1984. 108 с.
- Дуличенко, Александр Дмитриевич: Введение в славянскую филологию [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2014, 720 с.

<sup>52</sup> Дуличенко, Александр Дмитриевич: Введение в славянскую филологию..., *op.cit.*, с. 586-587.

- Жураўскі, Аляксандр Іосіфавіч: Народна-дыялектная аснова новай беларускай літаратурнай мовы. In: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna*. Praha: Universita Karlova, 1974, с. 49-62.
- Ивић, Милка: О језику Вуковом и Вуковском. Нови сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1990, 109 с.
- Караџић, Вук: Прави узрок и почетак скупљања наших народних пресама. In: *Лакићевић, Драган (ed.): Копитар и Вук*. Београд: Вуков сабор – Тршић. Издавачка радна организација «Рад», 1980, с. 118-120.
- Краев, Андрей: Становление и развитие дискурса католической церкви в России в конце XX– начале XXI века. In: *Даскалова, Добрина (ed.): Limes Slavicus: Славянството граница на общността: доклады от международна научна конференция (Шумен, юни, 2015)*. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2016, с. 288-293.
- Куліковіч, Уладзімір Іванавіч: Тэарэтычныя і практычныя праблемы беларускай мовы ў працах У. Дубоўкі. Мінск: РІВШ, 2011. 165 с.
- Купала, Янка: Выбраныя творы. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002, 640 с.
- Лакићевић, Драган (ed.): Копитар и Вук. Београд: Вуков сабор – Тршић. Издавачка радна организација «Рад», 1980, 196 с.
- Літвіноўская, Алеся Генадзеўна: Вукава традыцыя і беларуская літаратурная норма. In: *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Сер. 4, 1995, № 1, с. 33-37.
- Лукашанец, Аляксандр Аляксандравіч: Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання. Мінск: Беларуская навука, 2014, 396 с.
- Ляшук, Вiкторыя Марленовна: Беларуский и словацкий языки в типологии славянских литературных языков. In: *XLinguae European Scientific Language Journal*, 2012, Volume 5, Issue 4, s. 29-44.
- Ляшук, Вiкторыя Марленовна: Ё. Добровский и аспекты исследования белорусских фольклорных текстов. In: *Vavřínek, Vladimír – Gladkova, Hana – Skwarska, Karolína (eds.): Josef DOBROVSKÝ fundator studiorum slavikorum: Sborník příspěvků k mezinárodní konferenci*. (Praha 10. – 13. června 2003). Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2004, с. 552-559.
- Ляшук, Вiкторыя Марленаўна: Беларускія і славацкія праявічныя фальклорныя тэксты як крыніца фарміравання літаратурнай нормы. In: *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*, серыя 4, 2005 а, ч. 3, с. 46-50.
- Ляшук, Вiкторыя Марленаўна: Мова славянскага фальклору ў тыпалагічных даследаваннях. In: *Dudášová, Júlia (ed.): Slovensko-slovanské jazykové, literárne a kultúrne vzťahy: Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie 4. – 7. októbra 2006*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2007, s. 35-49.
- Ляшук, Вiкторыя Марленаўна: Мова фальклору ў славянскім адраджэнні. In: *Roczniki Humanistyczne Tom LIVLV, zeszyt 7: Slowianoznawstwo*. Lublin: Towarzystwo naukowe Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II, 2006–2007, s. 127-137.
- Ляшук, Вiкторыя Марленаўна: Праявічны фальклорны тэкст у моўным адраджэнні славакаў і беларусаў. In: *Slavica Slovaca*, 2005, го. 40, ч. 2, s. 111-124.
- Ляшук, Вiкторыя Марленаўна: Фальклорнае кайнэ ў фарміраванні славянскіх літаратурных моў. In: *Лукашанец, Аляксандр Аляксандравіч (ed.): Мовазнаўства. Літаратура. Культура. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з’езд славістаў (Любляна, 2003)*. Доклады беларускай дэлегацыі. Мінск: Беларуская навука, 2003, с. 70-86.
- Милошевић-Ђорђевић, Нада (ed.): Вук Стефановић Караџић (1787–1864–2014). Примљено на VI скупу Одељења језика и књижевности од 23. VI 2015. године. Београд: САНУ, 2015, 638 с.
- Радовановић, Милорад: Стандартни српски језик данас – у светлу једног лингвистичког модела. In: *Милошевић-Ђорђевић, Нада (ed.): Вук Стефановић Караџић (1787–1864–2014)*. Примљено на VI скупу Одељења језика и књижевности од 23. VI 2015. године. Београд: САНУ, с. 97-103.
- Станојчић, Живојин С.: Граматика српског књижевног језика. Београд: Креативни центар, 2010, 418 с.
- Стојановић, Љубомир: Живот и рад Вука Стефановића Караџића. [Београд – Земун: Макарије, 1924]. Beograd: BIGZ, 1987, 22, 852 с.
- Супрун, Адам Евгеньевич – Калюта, Александр Михайлович: Введение в славянскую филологию. Минск: Высшая школа, 1981, 432 с.
- Толстой, Никита Ильич: Избранные труды, том II. Славянская литературно-языковая ситуация. Москва: Языки русской культуры, 1998, 544 с.
- Толстой, Никита Ильич: История и структура славянских литературных языков. Москва: Наука, 1988, 239 с.
- Толстой, Никита Ильич. О курсе истории русского литературного языка академика В. В. Виноградова. In: *Виноградов, Виктор Владимирович. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.* 3-е изд. Москва: Высшая школа, 1982, с. 3-9.
- Чуркина, Искра Васильевна: Вук Караджич и Н.И. Надеждин (к 150-летию со дня кончины сербского учёного). In: *Узенёва, Елена (ed.): Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре*. Москва: ИСл РАН, 2014, с. 11-26.
- Шемякин, Андрей Леонидович (ed.): Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства). Москва: «Индрик», 2014, 632 с.
- Brozovič, Dalibor: Vuk i novoštokavska folklorna koine. In: *Slavia*, ро. XXXIV, Praha, 1965, ч. 1, с. 1-27.

- Dostál, Antonín: Vuk Stefanović Karadžić a cirkevňeslovanský jazyk. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): *Slavica Pragensia VI. K stému výročí smrti Vuka Stefanoviće Karadžiće*. Acta Universitatis Carolinae 1964. Philologica 2. Praha: Universita Karlova, 1964, s. 13-23.
- Havránek Bohuslav: Studie o spisovném jazyce. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963, 371 s.
- Havránek, Bohuslav: Význam Vuka Stefanoviće Karadžiće pro vývoj spisovného jazyka srbochrvátského. In: Barnet, Vladimír et kol. (eds): *Slavica Pragensia VI. K stému výročí smrti Vuka Stefanoviće Karadžiće*. Philologica 2. Praha: Universita Karlova, 1964, s. 5-12.
- Horák, Emil: Ludovít Štúr a Vuk Stefanović Karadžić (ako kodifikátori spisovných jazykov). In Dudok, Daniel (ed.): *Zborník spolku vojvodinských slovakistov 15 (1993)*. XI. Medzinárodný zjazd slavistov. Zborník referátov. Nový Sad: Učená spoločnosť Kultúra v Báčskom Petrovci, 1993, s. 52-59.
- Horák, Jiří: Česká pohádka v lidové a sběratelské tradici. In Červenka, Jan (ed.): *O pohádkách*. Sborník statí a článků. Praha: Statní nakladatelství dětské knihy, 1960, s. 25-62.
- Jonke, Ljudevit: Razvoj hrvatskoga književnog jezika u doba hrvatskog narodnog preporoda. In Jedlička, Alois a kol. (eds.): *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha: Universita Karlova, 1974, s. 73-78.
- Kmeť, Ján: Vzájomnostný odkaz Jána Kollára. In Dudok, Daniel (ed.): *Zborník spolku vojvodinských slovakistov 15 (1993)*. XI. Medzinárodný zjazd slavistov. Zborník referátov. Nový Sad: Učená spoločnosť Kultúra v Báčskom Petrovci, 1993, s. 5-12.
- Krajčovič, Rudolf – Žigo, Pavol: Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Univerzita Komenského, 2002. 252 s.
- Kurz, Jozef: Vuk Stefanović Karadžić a soudobí čeští a slovenští slavisté. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): *Slavica Pragensia VI. K stému výročí smrti Vuka Stefanoviće Karadžiće*. Acta Universitatis Carolinae 1964. Philologica 2. Praha: Universita Karlova, 1964, s. 55-62.
- Kvapil, Miroslav: Vuk Stefanović Karadžić a Pavel Josef Šafařík. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): *Slavica Pragensia VI. K stému výročí smrti Vuka Stefanoviće Karadžiće*. Acta Universitatis Carolinae 1964. Philologica 2. Praha: Universita Karlova, 1964, s. 63-71.
- Ľašuková (Ляшук), Viktoria: Folklórny vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2009, 309 s.
- Lewaszkiwicz, Tadeusz: Tendencie integracyjne/unifikacyjne i dezintegracyjne w historii języków słowiańskich. In Абисомян, Ирина (ed.): *Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков: К 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*; *Humaniora: Slavica Tartuensia IX*. Tartu: Universitas Tartuensis / Tartu Ülikool; Международная комиссия по славянским микроязыкам при Международном Комитете славистов, 2011, s. 124-136.
- Mára, Karel: Vuk Stefanović Karadžić a F. L. Čelakovský. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): *Slavica Pragensia VI. K stému výročí smrti Vuka Stefanoviće Karadžiće*. Acta Universitatis Carolinae 1964. Philologica 2. Praha: Universita Karlova, 1964, s. 73-81.
- Ondrejovič, Slavomír – Kmiťová, Jaroslava (eds.): *Jazykovedné dielo Ľudovíta Štúra v historických a súčasných interpretáciách: zborník príspevkov z vedeckej konferencie k 200. výročíu narodenia Ľudovíta Štúra*. Bratislava: Veda, 2017, 207 s.
- Ondrejovič, Slavomír (ed.): *Ľudovít Štúr a reč slovenská. Prednášky z konferencie konanej 13. – 14. júna 2006 v Bratislave*. Bratislava: VEDA, 2007, 190 s.
- Patrąś, Vladimír: Sociolingvistické výskumy bezprostrednej komunikácie a dynamika pojmu ústnosť. In: Kurek, Halina (ed.): *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym. Prace przygotowane na XV Międzynarodowy Kongres Sławistów*. Biblioteka „LingVariów”, T. 15. Kraków: Uniwersytet Jagielloński – Wydział Polonistyki, 2012, s. 171-182.
- Pauliny, Eugen: Pramene Štúrovej kodifikácie. In Jedlička, Alois a kol. (eds.): *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha: Universita Karlova, 1974, s. 67-71.
- Urban, Zdeněk: K problematice vztahu B. Němcové k dílu V. S. Karadžiće. In Barnet, Vladimír et kol. (eds): *Slavica Pragensia VI. K stému výročí smrti Vuka Stefanoviće Karadžiće*. Acta Universitatis Carolinae 1964. Philologica 2. Praha: Universita Karlova, 1964, s. 83-90.
- Žeňuch, Peter: Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии – Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. *Monumenta Byzantio-Slavica et Latina Slovacie IV*. Roma – Bratislava – Košice, 2013, 482 s.
- Žeňuchová, Katarína: Jazyková a kultúrno-historická hodnota ľudovej slovesnosti. In Žeňuch, Peter (ed.): *Život slova v dejinách a jazykových vzťahoch*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2003, s. 220-225.
- Žeňuchová, Katarína: Stav a perspektívy etnolingvistického výskumu na Slovensku. In Žeňuchová, Katarína – Китанова, Мария – Žeňuch, Peter (eds.): *Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky*. Bratislava – Sofia: VEDA, 2017, s. 11-18.
- Žigo, Pavol: Štúrova kodifikácia spisovnej slovenčiny a jej reforma. In: *Slovenská reč*, 2005, roč. 70, č. 5, s. 265-275.

## **Typy folklórnej aktualizácie v kodifikácii slovenského a bieloruského jazyka ako reflexia lingvistického konceptu V. Karadžića**

Viktória Lašuková

V príspevku sa vysvetľujú a porovnávajú koncepcie a koncepty kodifikácie slovenského a bieloruského jazyka súvisiace s folklórnou sférou a folklórnymi textami. Odhaľujú a analyzujú sa parametre a spôsoby folklórnej aktualizácie, ktoré nachádzame v jazykovedných prácach a sledujú sa v rozličných etapách formovania skúmaných spisovných jazykov. Kodifikačnú činnosť V. Karadžića chápeme ako základnú úroveň a faktor typologického charakteru vplývajúci na formovanie kodifikačných koncepcií v analyzovaných i ďalších slovanských jazykoch, ktoré nemali status štátneho jazyka.

Typy folklórnej aktualizácie sa vyčleňujú na základe porovnania spôsobov a špecifik publikovania klasických folklórnych žánrov a verifikujú sa na materiáli geneticky blízko príbuzných, ale typologicky odlišných spisovných jazykov češtiny vo vzťahu k slovenčine a ruštiny vo vzťahu k bieloruštinu.